Автор: Лелик А. (Украина)

«Когда ребенок говорит, что он больше не верит в маленьких фей, где-то на Земле умирает маленькая фея».

— О чем ты мечтаешь?

— Ну не знаю, чтобы много карандашей было или все игрушки, которые есть у моих друзей в садике.

— А помнишь, еще зимой ты мечтала, чтобы у тебя выросли крылья, и ты бы научилась летать?

— Да, мамочка, мечтала. Но все же говорят, что этого не бывает.

— Ну и что, что не бывает. Мечтать же можно.

— Но этого никогда не будет. Никогда. И даже если вы с папой в магазине купите мне крылья, такие белые, как у ангела, я все равно никуда не полечу.

— Но мы можем просто помечтать. Давай попробуем. Куда бы ты хотела полететь?

Так мы с Машей, моей младшей дочерью пяти лет, вместе осваивали умение мечтать и летать. Мною это было уже давным-давно забыто и выброшено за ненадобностью. Сначала это стало казаться бесполезным, а затем даже вредным — забивать голову ерундой, которая никогда не сбудется, да и развивать в себе эту мечтательность казалось противоречием тому, что «правильно». Маша же словно вернулась в родную стихию. Она лежала в своей кровати, и мы вместе придумывали, какого цвета были бы крылья и как бы они меняли этот самый цвет в зависимости от погоды. Мы летали: сначала несмело к папе на работу, затем по любимым местам Киева, потом, набравшись силы, полетели к бабушке через полстраны, ну а потом мы, уже не сдерживая себя в мечтах — летели и летели... не долетели мы только в страну Фей, поскольку было пора уже спать, а полет туда, по словам Маши, был долгим и полным опасностей.

Когда погас свет и Маша стала засыпать, я долго еще сидела у ее кровати. Я смотрела на звезды и вспоминала...

Вспомнились мои детские мечты — когда мечталось легко и просто, и это как-то помогало пережить все детские горести, которые совсем уж и нечепуховые. Вспомнилось, как и мне мечталось летать. Только я росла в то время, когда самой

желанной и сказочной «феей» был космонавт. Фамилия Гагарин тогда была почти сакральной, картинки в атласах со снимками космоса были чудом, которое можно было рассматривать часами. Помню, как я гордилась тем, что моя тетя жила на улице, названной в честь Валентины Терешковой. И каждый раз, идя к ней в гости, я в душе загадывала про себя, что раз уже все так таинственно совпало, и я живу на улице Туполева (того самого, который был авиаконструктором), а тетя на улице Терешковой — то летать в космос или хоть куда-то — это буквально мой удел.

Помню, как я не сдалась и не предала свою мечту, даже тогда когда мне твердо объяснили, что в космос и на Луну летать нереально, для этого нужно... да столько всего нужно, и вообще девочка-космонавт, как мне сказали, — это девочка, у которой не будет ни мужа, ни детей. Тогда я решила свою мечту немного приземлить и стала думать о том, как я всенепременно стану стюардессой — красивой, молодой, в синей юбке и белой рубашке, и буду разносить чай и соки всем путешественникам.

Эта мечта была со мной долго, и когда я с ней рассталась — даже не вспомню сейчас. Но кажется, что мечтать с тех пор я перестала. Цели, желания, стремления — все это было, — порой правильное и нужное, порой нет. Но вот чтобы просто мечтать, я этого не помню.

В эту ночь я летала во сне. Но не прямо парила над просторами, а несмело и робко взлетала, отрываясь от земли и поджимая ноги, боясь зацепиться за кусты и ветки деревьев. Во сне я кричала от страха и восторга. Когда проснулась, то первым делом пришла в голову мысль — ну вот, я расту, но в моем возрасте этого не бывает.

Весь тот день я, к своему удивлению, думала о несбыточном, скорее всего, просто снова мечтала — робко и с опаской. Пришла в голову странная мысль, которой я была рада, как старой знакомой: «А что если доживу до того возраста, когда летать в ракетах на Луну станет также просто, как сейчас на самолете в Америку?».

И каждый раз, когда хотелось подвергнуть эту мысль тщательному анализу, я просто себе запрещала. Уж очень хотелось бы хоть раз пройтись по Луне, как по июньской траве босиком.

Есть такая притча, которая очевидно была реальностью. Когда четырехлетняя девочка, подойдя к своему новорожденному брату, попросила: «Расскажи мне о Боге. А то я так давно здесь живу, что стала о Нем забывать».

Нас остерегают от мечтаний, возможно, потому, что, разучившись думать о Боге и о том, откуда мы пришли в этот мир, мы начинаем мечтать о материальном: дом побольше, мужчину покрасивее, денег миллионы, машину такую, чтобы от зависти лопнули все соседи. Наверное, эти мечты опасны, они уводят от главного, от того, что «не хлебом единым». Но возможно, есть такие мечты, которые, наоборот, приближают нас к главному, к тому, чтобы быть не просто потребителем и производителем, но верить в то, что в жизни много удивительного и прекрасного?

Однажды знаменитый советский психолог А.Н. Леонтьев спросил у философа Мераба Мамардашвили: «С чего начинается человек?» — и тот, не задумываясь, ответил: «С плача по умершему».

Сострадать от всей своей души, не думая о каких-то границах, своем «я» и прочем важном и не совсем, могут дети. Кто-то выдумал сказку о безоблачном детстве, говоря: «Вот бы мне твои проблемы, малыш». Кто помнит детство, вряд ли так считает: в детстве все по-настоящему, в детстве все живо и ярко. У ребенка если слезы — то это самые горючие слезы, а если смех — то самый счастливый смех. В детстве все на сто процентов, все полно. Кто-то делает карьеру и деньги на том, чтобы вылечить детские обиды, кто-то советует махнуть и забыть. Каждому свое, безусловно, но все же как-то страшно забыть то единственное, что, несомненно, объединяет всех людей всех времен и народов — детство.

История со школой сострадания связана с Машей.

В тот день Маша забыла в садике любимую игрушку — ободранного тигренка, доставшегося ей в подарок от Деда Мороза новеньким и красивым. Пройдя несколько войн и прожив несколько жизней, тигренок имел вид потрепанный и неутешительный. У Маши есть много любимых игрушек, но этот Тигреныш, как она его зовет, — для нее талисман или просто друг, который познается, как известно, в беде. В 11 часов вечера из детской комнаты послышался плач. Маша сидела на кровати и горько плакала: «Я забыла в садике своего тигренка Тигреныша! Как он там будет без меня? Ему страшно и холодно. Он всю ночь не будет спать, будет смотреть в окно и плакать: где же его Маша!» В этих словах, полных слез и надрыва, меня удивило то, что плакала она не о себе и не о том, что ей не уснуть без игрушки. Это было так неожиданно и так искреннее — этот плач по другому, без тени мысли о себе, это искреннее переживание боли другого. Потом были разговоры о том, что он сильный и, безусловно, все сможет и любых врагов отразит и еще садик в придачу защитит, помогая ночному сторожу. Утром они встретились как старые друзья. Маша, обняв его, сначала целовала, а потом я услышала что-то очень знакомое: «Сколько раз тебе говорить... вот уж непослушный. Я вся изнервничалась ночью. А у тебя что, души, что ли, нет? Если бы ты знал, как я изнервничалась, почти всю ночь не спала, о тебе переживала».

Трудно идти к намеченной цели. Трудно потому, что страх поражений и опыт ошибок не дают спокойно идти навстречу намеченному. И эта мнительность, эта неуверенность и сложность отказа от стереотипов и легенд, выдуманных однажды для самой себя... Вот бы по-новому смотреть на все, как учат нас, учитывая опыт, опираясь на него, но все же по-новому, давая возможность жизни удивить нас. Сплошная философия, одним словом.

На Новый Год есть традиция писать письма Деду Морозу. В этом году впервые это оказалось неожиданно трудно. Если до этого нарисованные или написанные заказы были более или менее выполнимы или заменяемы, то в этот раз нам пришлось изрядно поломать голову.

В конверте под елкой лежал следующий «заказ» Деду Морозу от нашей восьмилетней дочери Саши.

«Деду Морозу, если он все-таки есть. Мне не нужны подарки, даже самые лучшие. Мне бы только стать художницей!»

И все. Коротко и ясно.

К слову сказать, у нее это наверняка получится, если она этого будет и дальше хотеть. Ее целеустремленности можно позавидовать, а умение быстро забывать обиды, вроде тех, с которыми столкнулся автор «Маленького Принца», рисуя слона и удава, восхищают.

«Не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетние» (1 Коринф. 14:20)

В то утро мы поругались. Точнее, ругалась я: за то, что снова в кровати лежали «последнюю минутку», за то, что с вечера одежда не была готова, и за то, что, оказывается, именно сегодня учитель попросил не опаздывать, а прийти пораньше.

Ругаться не хотелось, но накопленные за неделю проблемы и трудности, да еще эта незапланированная командировка, которая «съеда-ла» намеченные выходные дома. Саше, старшей дочери, досталось больше всех; обычно я стараюсь не валить на нее все за ее первородство, но в то утро словно слетела с катушек.

Уехала я вечером, так и не дождавшись их возвращения.

Я скучала по детям и мужу, но время было так плотно, что не успевала порой даже поесть. Но все же присутствовало чувство вины, что сорвалась зря, что можно было и понять и смолчать или просто перевести в шутку...

Когда я вернулась в понедельник утром, их уже не было дома: муж на работе, дети в садике, школе. На тумбочке у кровати лежал подарок от Сашеньки, очевидно, для меня.

Почему очевидно? Это был двойной лист тетрадный с нарисованными цветами, веточками и листиками, и там было написано «Стихи для дорогой мамы».

И два стиха. Мне.

Стих первый (сохранена орфографию автора):

Несли бложки сапожки

Несли бложки сапожки

По дорожке
Маме подарок несли
Вдруг бложки видят
Сапожки
Сами по дорожке пришли.

Стих второй. Без названия...

Где ты мамочка моя пропала
Ты наверное устала
Отдохни немножко
И опять побежим по дорожке.

Лишним будет говорить, что все сборники Ахматовой, Цветаевой, Евтушенко стали для меня словно тени на фоне этих двух написанных моей дочерью для меня и подписанных гордо и красиво нашей фамилией.

Думаю, делать какие-то выводы и заключения будет напрасным. Христос сказал просто «будьте как дети» — не поясняя, не разъясняя. Можно писать сотни книг и учиться этому у взрослых, а можно просто — смотреть на ребенка, видеть его мир, и просто быть. Быть как дети.

Напоследок пару вопросов от детей, которые заставили взглянуть на мир и свою «взрослость» иначе.

Маша:

— Мама, а когда Бог спит? Ну или отдыхает?

— Понимаешь, Маша, он настолько силен и совершенен, что Ему не нужен отдых.

Маша (не слушая мои объяснения):

— Бедный Бог. Никто не думает о Нем и не дает Ему отдохнуть.

Саша:

— Мам, а почему в космосе темно, а у нас на планете светло?

(Простой вопрос, о котором пришлось думать не один день. Задавая этот вопрос знакомым, я встречала взгляды, полные недоумения: «а правда — почему?»)

Прошу Машу почитать стишки, пока я отдыхаю.

— Мама, если ты хочешь, чтобы тебе читали стишки, то поедешь со мной к моей бабушке, ляжешь у нее на кровати, она твоя мама — она тебе и почитает.